

Мунбин Мур

**Правило
трёх
ЛЖИВЫХ
СЛОВ**

Мунбин Мур

Правило трёх лживых слов

«Автор»

2026

Мур М.

Правило трёх лживых слов / М. Мур — «Автор», 2026

Что, если самые опасные заклинания — не те, что разрушают города, а те, что меняют саму реальность? Вектор, последний архивариус павшей Библиотеки, просыпается в раскалённой пустыне с пустой памятью и тремя пылающими словами на губах. За ним охотятся. Не люди — существа, что слышат силу Истинных Слов за версту. Чтобы выжить, ему придётся спуститься в подземный мир, где прячутся остатки человечества, столкнуться с призраками древних катастроф и научиться не произносить слова, а понимать их суть. Ибо первое — утверждает бытие. Второе — сплетает связи. А третье... способно стереть грань между «есть» и «нет». Это история о цене памяти, о хрупкости основ мира и о том, что самое страшное оружие — это правда, которую ты носишь в себе. Готовы ли вы узнать правило?

© Мур М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Запекшаяся истина	5
Глава 2. Узлы и отголоски	10
Глава 3. Печать и Отзвук	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Мунбин Мур

Правило трёх лживых слов

Глава 1. Запекившаяся истина

Первый звук, который он осознал, был стук собственного сердца. Неровный, гулкий, будто кто-то бил в старый барабан где-то глубоко в его черепе. Второй – скрежет песка на зубах.

Вектор медленно открыл глаза, и мир предстал перед ним в оттенках охры и боли. Песок. Он лежал лицом вниз на раскалённом песке, и тело его ныло так, будто кто-то вытряхнул из него все кости, перемешал и засунул обратно. Память была похожа на разбитое зеркало – острые осколки картин, но целого изображения не собрать. Жар. Погоня. Крики, но не на человеческом языке – что-то шипящее, полное злорадства. И... слова. Три слова, выжженные в сознании, обжигающие губы изнутри.

Он с трудом перевернулся на спину, и над ним взмыл в бескрайнюю бирюзу купол неба, безжалостный и чистый. Солнце стояло в зените, безличное божество-палач. Он поднял руку, чтобы прикрыть глаза, и увидел, что кожа на запястье покрыта странными, едва заметными серебристыми шрамами, похожими на следы от ударов молний или... письма. Он их не помнил.

– Жив, – хрипло произнес Вектор, и его собственный голос показался ему чужим. Горло было пересохшим, язык – тяжелым лепешкой.

Он заставил себя сесть. Кругом простиралась пустошь – рыжеватые дюны, редкие, искривлённые жарой каменные зубцы, черневшие на горизонте. Ни признаков воды, ни троп, ни памяти о том, как он здесь оказался. Но был страх. Глубинный, животный страх, вцепившийся в подреберье. Кто-то или что-то преследовало его. И это «что-то», судя по обрывкам воспоминаний, было не совсем людьми.

Он ощупал себя. Простая одежда из грубой ткани, потрепанная и пропахшая потом и пылью. В кармане – ни монет, ни ножа, ничего. Только в складке пояса он нашел маленький, тщательно спрятанный предмет. Он вытащил его. Это был осколок полированного камня, черного, как ночь без звезд, но в его глубине мерцали крошечные золотые искры, будто заключенные далекие созвездия. Прикосновение к нему вызвало слабый, едва уловимый толчок где-то в висках. Знакомое. Важное.

Вектор сжал осколок в кулаке, и в этот момент ветер, доселе ленивый и горячий, резко изменился. Он потянул с севера, неся с собой не прохладу, а запах – сладковатый, приторный, как гниющие фрукты, и едкий, как дым от жженой кости. Знакомый запах. Запах погони.

Инстинкт, более древний, чем разум, заставил его вскочить на ноги. Ноги подкосились, но он устоял, прислонившись к ближайшему каменному выступу. Он выглянул из-за укрытия.

По гребню дальней дюны, плавно, без тени спешки, двигались трое. Даже на таком расстоянии было видно, что сложены они неестественно – слишком длинные конечности, слиш-

ком плавные, текучие движения. Их одежды развевались не по ветру, а будто жили своей собственной жизнью, извиваясь темными лентами. Лиц не было видно, только бледные пятна в капюшонах. Охотники. Без сомнений.

Их взгляды, тяжелые, как свинец, скользили по пустыне. Они искали его. И они близко. Слишком близко.

Паника, острая и холодная, впиалась ему в горло. Бежать? По открытой пустыне, без сил, без воды? Это было самоубийством. Спрятаться? Негде. Камень, за которым он стоял, был лишь жалким укрытием на фоне безбрежного моря песка.

И тогда из глубин разбитой памяти всплыл обломок. Не образ, а ощущение. Тяжелая дверь, закрывающаяся за его спиной. Тихий голос, полный трепета и ужаса: «Только не произноси их вслух. Никогда. Даже про себя старайся не думать. Они слышат мысли, но Истинные Слова... они чувят их за версту».

Истинные Слова. Три слова. Они жгли его изнутри, требовали выхода. Он не помнил, что они значат, но помнил их вес, их страшную, всепокрушающую силу. Они были ключом. Или приговором.

Один из Преследователей внизу остановился и медленно повернул голову в его сторону. Капюшон слегка съехал, и Вектору показалось, что он увидел не лицо, а натянутую кожу с прорезанными в ней щелями вместо глаз. Существо подняло длинную, костлявую руку и указало прямо на его укрытие.

Промедление смерти подобно.

Вектор рванулся с места, не вдаваясь в логику, повинувшись лишь глубинному зову самосохранения. Он побежал вдоль каменного гребня, спотыкаясь о валуны, чувствуя, как горячий песок обжигает ноги через тонкую подошву. Сзади донесся звук – не крик, а скорее шипящий свист, полный торжествующей хищной радости. Погоня началась.

Он бежал, задыхаясь, сердце колотилось о ребра, выбивая тот самый неистовый ритм, что разбудил его. Воздух обжигал легкие. Каменный гребень обрывался, открывая спуск в древнее, высохшее русло реки, усеянное округлой, обточенной водой галькой. Это давало хоть какой-то шанс.

Вектор скатился вниз, ощутив резкую боль в плече, и побежал по руслу. Тени здесь были гуще, но запах гнили и гари настигал его, смешиваясь с запахом его собственного страха. Он слышал за спиной лёгкие, почти бесшумные шаги, скользящие по камням. Они не спешили. Они играли.

Мысли метались, пытаясь найти выход, найти в памяти что-то, что могло бы помочь. И снова – осколок в кулаке. Камень. Он сжал его так, что острые края впились в ладонь. Боль была ясной, чёткой точкой в водовороте паники.

И вдруг, сквозь шум крови в ушах, он уловил другой звук. Не шипение преследователей, не свист ветра. Слабое, прерывистое журчание. Вода.

Он свернул в узкий проход между скалами, который вел вглубь каменистой гряды. Проход сужался, смыкаясь над головой в подобие туннеля. И там, в глубине, в тени, поблескивала влагой маленькая, почти высохшая каменная чаша, наполненная мутной водой. Родник. Спасение и ловушка, ибо тупик за его спиной был очевиден.

Вектор бросился к воде, упал на колени и стал жадно зачерпывать горстями живительную грязь, втягивая ее в себя. Она была теплой, с привкусом земли и металла, но вкуснее нектара он в жизни ничего не пил.

Шаги у входа в расщелину замерли. Они пришли.

– Выходи, – прозвучал голос. Он был неестественным, словно сложенным из шепота песка и скрипа крыльев насекомых. В нем не было ни злобы, ни гнева – лишь холодное, безразличное любопытство. – Ты устал. Нельзя бежать от судьбы. Отдай то, что тебе не принадлежит.

Вектор обернулся, прислонившись спиной к сырой скале. В узком входе, заслоняя свет, стояли двое. Третий, должно быть, остался снаружи. Фигуры казались еще более вытянутыми в тесном пространстве, их черные одежды сливались с тенью, и только три пары бледных, не мигающих глаз светились в полумраке, как у глубоководных рыб.

– Я не знаю, о чем вы, – хрипло выдавил он. И это была первая сознательная ложь, которую он произнес, ощутив ее горький привкус. Он знал. Он носил это в себе.

– Неправедное слово, – отозвался второй Преследователь, и в его голосе послышался оттенок чего-то вроде удовольствия. – Мы чуем Истину в тебе. Она сочится, как яд из раны. Осколок «Вечного Сна». И Знание. Ты произнес одно из Слов у Порога. Ты нарушил Закон Молчания.

Они сделали шаг внутрь. Воздух вокруг них колыхнулся, стал гуще, тяжелее. Вектор почувствовал, как на его разум начинает давить чужая, жестокая воля. Ему захотелось выложить все: отдать камень, выкричать те три слова, которые душили его, лишь бы это прекратилось.

Он стиснул зубы. Нет. Он выжил в пустыне. Он добежал до воды. Он не сдастся.

– Отойдите, – сказал он, и голос его окреп, обрел какую-то новую, металлическую ноту.

Преследователи замерли. Не из-за приказа, а из-за интонации. В ней слышалась тень силы, которой у него, обессиленного беглеца, быть не могло.

Первый из них медленно вытянул руку. Длинные, тонкие пальцы, больше похожие на хитиновые шупальца, сомкнулись в жесте, полном неотвратимости. Вектор ощутил, как горло его сжимает невидимая петля. Он стал задыхаться.

И тут его взгляд упал на воду в каменной чаше. На ее мутную поверхность, в которой смутно отражался его собственный измученный облик и бледные огни глаз преследователей. И в этой воде он увидел не свое отражение, а другой образ. Женщину. Серебряные, как лунный свет, волосы и глаза цвета грозового неба. И губы, сложенные в беззвучное слово: «Вспомни».

Боль в кулаке, сжимающем черный осколок, стала невыносимой. Она пронзила его, как раскаленная игла, прошла череп и ударила прямо в хранилище памяти.

И он вспомнил. Не всё. Но достаточно.

Это не были заклинания. Это не была магия, которую изучают в башнях. Это было нечто более древнее, фундаментальное. Слова, из которых сплетена сама ткань мира. Произнести их – значило изменить реальность. Или разорвать ее. Три слова. Первое – для разлома. Второе – для сотворения. Третье... третье было вне его понимания, оно жгло сознание, как солнце жжет глаз.

А охотники... они были Слухачами. Рабами и стражами более могущественных сил, которые боялись, чтобы эти Слова не попали в руки смертных. Чтобы никто не смог оспорить их власть, их ложь, выстроенную на тысячелетиях молчания.

Петля на горле сжалась. В глазах потемнело. Он умирал.

И тогда Вектор перестал бороться. Он позволил панике, боли и отчаянию слиться в единый, раскаленный шар в самой своей середине. Он открыл глаза – он не помнил, когда закрыл их – и посмотрел прямо в светящиеся глаза ближайшего Слухача.

– **Ваша истина – запекшаяся ложь** – прошептал он.

Он не использовал одно из Трех Слов. Это было другое. Слово, всплывшее из глубин вместе с памятью о женщине. Слово-клин, слово-отпор.

Эффект был мгновенным и ужасным. Слухач вздрогнул всем телом, будто его хлестнули по голой коже. Его бледные глаза на миг погасли, потом загорелись яростным багровым светом. Он вскрикнул – на этот раз крик был полон настоящей, физической боли и такого бешенства, от которого похолодела кровь. Невидимая петля ослабла.

– Он помнит! Он говорит языком Источника! – прошипел второй, и в его голосе впервые прозвучал страх.

Это был его шанс. Единственный.

Вектор рванулся вперед, не к выходу, где стоял третий, а вглубь тупика, к казавшейся сплошной стене скалы. Он не видел там прохода, но верил вспышке памяти, образу женщины, жестом указывающей куда-то вглубь камня. С разбегу он врезался в шершавую поверхность... и провалился.

Не сквозь камень, а в узкую, скрытую щель, почти невидимую под странным углом. Он упал в темноту, вниз, по грубому каменному склону, царапаясь и ударяясь о выступы. Сверху донесся яростный, безумный вопль и скрежет когтей по камню – слишком крупные существа не могли протиснуться в эту щель.

Он катился, теряя ощущение времени и пространства, пока не рухнул на мягкую, влажную подстилку из мха и палых листьев. Воздух здесь был прохладным, влажным и пахнул

сыростью и древностью. Свет, тусклый и зеленоватый, пробивался откуда-то сверху, отражаясь от влажных стен пещеры.

Он лежал, судорожно хватая ртом воздух, прислушиваясь. Ни шипения, ни шагов. Только тихий, мерный звон капель где-то в темноте. Он был жив. Он сбежал.

Дрожащими руками он разжал кулак. Ладонь была в крови от острых краев осколка. Но сам камень «Вечного Сна» теперь светился изнутри. Золотые искры в его черной глубине ожили, пульсировали в такт его сердцу. А на внутренней стороне запястья, там, где были серебристые шрамы, теперь проступил новый, едва различимый знак: три пересекающиеся дуги, похожие на застывшие языки пламени или на древнюю букву.

Он коснулся знака, и в сознании всплыл голос, тихий, но невероятно четкий, голос женщины с серебряными волосами: «Одно уже сказано. Два остаются. Они не останутся. Никогда. Найди меня, носитель, прежде чем Исказители найдут тебя. И помни правило: трижды солги темному зеркалу, лишь тогда истина откроет путь».

Вектор поднялся на локти, оглядывая пещеру. Это было не убежище. Это был другой порог. Запекшаяся ложь Слухачей была сорвана. Теперь ему предстояло столкнуться с той Истиной, что скрывалась за ней. И для этого ему нужно было сделать невозможное: вспомнить все, научиться управлять силой, которая могла пересоздать мир или уничтожить его, и найти ту, что послала ему видение.

А где-то наверху, в палящем солнце пустыни, три существа с безумными глазами сливались с тенями, отправляя в эфир беззвучный, полный ярости зов. Охота только началась.

Осколок в его руке вспыхнул ярче, и на мгновение в глубине пещеры ему показалось, что он видит отражение в луже на камне: не его лицо, а три горящих слова, пляшущих в темной воде, готовых сорваться с его губ и перевернуть все с ног на голову.

Глава 2. Узлы и отголоски

Тишина в пещере была не мертвой, а живой. Её наполняли звуки: звон падающих капель, едва уловимый шелест чего-то скользящего по влажному камню вдалеке, собственное тяжелое дыхание Вектора. Воздух, прохладный и сырой, обжигал легкие, привыкшие к раскаленному сухому хаосу пустыни. Он лежал на плаще из мха, впитывая в себя дрожь последствия. Его горло ныло от удушья, на ладони зияла порезанная осколком рана, но в сознании, наконец, прояснилось.

Обрывки памяти больше не были разрозненными. Теперь они сшивались в лоскутное одеяло, мрачное и тревожное. Он вспомнил не все, но вспомнил *кто* он. Вектор. Не воин, не маг в привычном смысле. Архивариус. Хранитель Равноденственной Библиотеки, что стояла на краю Порога – того самого места, где ткань реальности была тонка, как паутина. Его работа заключалась в изучении, каталогизации, но ни в коем случае не в применении. Он был ученым в мире, где знание было взрывоопаснее любой алхимической смеси.

И он вспомнил Ночь Прорехи. Когда небо над Библиотекой расколосось, как гнилая ткань, и из трещины хлынули тени. Не Слухачи – нечто худшее, древнее. Исказители. Сущности, для которых Истинные Слова были не табу, а инструментами, пищей, средством перекраивания мироздания под себя. Библиотека пала, сгорела или была поглощена – он не знал. Он бежал, унося в себе то, что должен был защитить: Знание об одном из Трёх Слов. И сам осколок «Вечного Сна» – не просто артефакт, а ключ, компас и печать одновременно.

Женщина с серебряными волосами... Её звали Атрия. Она не была хранителем. Она была Наблюдательницей, существом более древним, чем сама Библиотека, стражем Порога. Именно она в последнее мгновение вложила в его сознание спасительный образ, подсказку к бегству. И предупреждение: «Найди меня».

Вектор сел, опершись спиной о холодный камень. Пещера была обширной. Тусклый свет, пробивавшийся через щель сверху, выхватывал лишь клочок пространства: груды валунов, темный ручеек, стекающий в непроглядную расщелину, и две возможные дороги. Одна уходила вниз, во мрак, откуда веяло запахом плесени и тайны. Другая, узкая и низкая, вилась вдоль стены, и в её конце чудился слабый, едва различимый отсвет – не солнечный, а будто бы отраженный, холодный, как свет далекой звезды.

Осколок в его руке пульсировал теплом. Когда Вектор мысленно обратился к пути вниз, тепло сменилось ледяным уколом. Когда он посмотрел на узкий проход – осколок отозвался ровной, спокойной пульсацией. Выбора, по сути, не было.

Он порвал полосу от уже истрепанной рубахи, кое-как перевязал ладонь, спрятал осколок за пазуху, ближе к сердцу, и двинулся вперед, сторбившись в низком проходе. Камень терся о плечи, с потолка сыпалась мелкая крошка. Он шел, ощупывая стены, и через сотню шагов проход начал расширяться, а холодный свет – усиливаться. Его источником оказался не выход на поверхность, а странные наросты на стенах и потолке. Они напоминали бледные, полупрозрачные грибы или кораллы и излучали тот самый фосфоресцирующий, мертвенный свет. Воздух здесь пахнул озоном и статическим напряжением, словно после грозы.

Туннель вывел его на край огромного подземного зала. Вектор замер, пораженный. Это была не просто пещера. Это были руины. Руины чего-то циклопического, созданного не человеческими руками. Гигантские, сглаженные временем колонны, словно выроставшие из самого пола, поддерживали черный, усеянный теми же светящимися наростами свод. Между колонн виднелись остатки стен со следами резьбы – абстрактные, гипнотические узоры, от долгого взгляда на которые начинало рябить в глазах. Посреди зала зияла черная бездна, а над ней, будто паутина исполинского размера, перекинулся полуразрушенный арочный мост из того же темного, почти стекловидного камня.

И тут он их увидел. Не Исказителей. Другую жизнь.

Внизу, у основания колонн, горели крошечные, словно булабочные уколы, огоньки костров. Вокруг них копошились тени. Люди. Или то, что когда-то было людьми. Они были худы, одеты в лохмотья из шкур и грубой ткани, их движения были резкими, пугливыми. Они что-то разделявали у огня, что-то чинили. Поселение. Подземное поселение в этих древних руинах.

Сердце Вектора екнуло. Контакт? Помощь? Но опыт, всплывающий из глубин памяти, предостерегал: в мире после Падения Библиотеки доверять нельзя никому. Людьми часто правила не воля, а страх. А страх – верный проводник для Слухачей и их хозяев.

Он решил наблюдать. Прижавшись к выступу, он изучал лагерь. Их было, по видимости, человек тридцать. Он заметил дозорных, затаившихся в тени колонн, вооруженных самодельными копьями с наконечниками из заостренного камня и кости. Заметил иерархию: у самого большого костра сидели несколько фигур покрепче, постарше, ведя тихую, напряженную беседу. И он заметил нечто, что заставило его кровь похолодеть.

На дальней стене пещеры, в стороне от лагеря, был нарисован грубый, но узнаваемый символ. Три пересекающихся кольца, похожие на сплетенных змей. Знак Исказителей. Но не как объект поклонения. Рисунок был перечеркнут широким мазком красной охры, а перед ним на полу лежали разбросанные кости – явно в ритуальном жесте отвержения. Эти люди боялись Исказителей. Может, даже боролись с ними.

Решение пришло не из логики, а из глубочайшей усталости. Он был истощен, ранен, голоден. Один в этом каменном чреве он долго не протянет. Нужен был риск.

Он осторожно начал спускаться по естественному уступу, ведущему вниз, к залу. Он не пытался скрываться, но и не шел прямо на свет. Когда до ближайшей колонны оставалось метров двадцать, из тени выступила одна из дозорных. Женщина, худая, как жердь, с лицом, испещренным шрамами, и глазами, блестящими, как у загнанного зверя. В ее руках была затравленная праща.

– Стой! – ее голос был хриплым, но твердым. – Кто пришел? Из какого Узла?

Вектор медленно поднял пустые руки, показывая, что не вооружен.

– Я не из ваших Узлов, – сказал он, стараясь говорить четко и спокойно. – Я заблудился. Меня преследовали Слухачи в пустыне. Я нашел щель и упал сюда.

Женщина не опускала пращу. Ее глаза сканировали его, выискивая ложь, оружие, признаки Порчи.

– Слухачи... – прошептала она, и в ее взгляде мелькнула знакомая Вектору смесь ненависти и ужаса. – А как ты от них ушел? Одному это не под силу.

– Мне помог... случай, – уклонился от прямого ответа Вектор. – И у меня нет сил врать. Я прошу только воды и, если возможно, информации. Я не причиню вам вреда.

Из-за колонны вышли еще двое, мужчины, не менее суровые на вид. Они молча обследовали Вектора взглядом.

– Таин, – бросил один из них женщине. – Он пахнет... странно. Песчаной бурей и... статикой. Как в Старых Залах.

– И свежей кровью, – добавил второй, кивнув на перевязанную руку Вектора.

Таин, женщина с пращей, недовольно сморщилась. – Веди его к Старейшине. Пусть решает. Только обезоружь.

Мужчины ловко и грубо обыскали Вектора, не найдя ничего, кроме пустых карманов и грязной тряпки на руке. Они не заметили плоский осколок за пазухой – он словно притушил свое свечение, слившись с теплом тела. Вектора повели через лагерь. На него смотрели десятки глаз – любопытных, подозрительных, пустых. Он увидел детей, худых и молчаливых, женщин, штопавших шкуры, мужчин, точивших оружие. Жизнь здесь была напряженной, выстраданной, лишенной какой бы то ни было легкости.

Старейшина сидел у главного костра. Это был не старик, а человек в полном расцвете сил, но с седыми висками и взглядом, в котором угадывалась тяжелая, неподъемная мудрость. Его звали Кор. Он выслушал краткий доклад Таин, не сводя с Вектора пронзительных серых глаз.

– Слухачи на поверхности активизировались, – сказал Кор, когда все смолкли. Его голос был низким, глухим, но каждое слово падало, как камень. – Три дня назад мы потеряли разведгруппу у Выхода в Опаленные земли. Ты говоришь, ты от них ушел. Это либо большая удача, либо большая ложь.

– Удача кончилась там, наверху, – честно ответил Вектор. – Теперь я полагаюсь на ваше милосердие.

– Милосердие – роскошь для обреченных, – отрезал Кор. – Мы – народ Узлов. Мы выживаем в Кишках Мира, прячемся от Верхнего Ужаса и Нижнего Безмолвия. Каждый новый человек – это риск. Риск быть выслеженным через сны, через мысли. Ты принес сюда чужой след. Почему мы должны тебе доверять?

Вектор понимал, что следующие его слова могут стать приговором. Он не мог раскрыть правду об осколке и Слове. Но и чистая ложь была бы сразу раскрыта – эти люди чувствовали обман на инстинктивном уровне.

– Я не прошу доверия, – сказал он. – Я прошу шанса его заслужить. Я не знаю, кто вы, но я вижу, что вы не любите тех, кто послал Слухачей. Я тоже стал их жертвой. У меня нет дома, который можно предать. У меня осталась только цель. И, возможно, знания, которые могут быть вам полезны.

– Какие знания? – мгновенно отреагировал Кор, и в его глазах вспыхнул острый, голодный огонек.

– Я был архивариусом, – осторожно начал Вектор, выбирая слова. – Я изучал древние тексты, карты, механизмы. Я читал по символам, подобным тем, – он кивнул в сторону перечеркнутого знака на стене. – Я знаю кое-что об устройстве подобных мест. О том, как читать узлы энергии в камне, как находить воду там, где ее, кажется, нет. Могу помочь с этим.

Вокруг костра воцарилась тишина. Даже звуки лагеря притихли, словно все прислушивались.

– Архивариус... – протянул Кор, и в его голосе прозвучало неподдельное изумление. – Слуги Знания все были истреблены или обращены в бегство. Если ты не лжешь... то ты редкая птица. И опасная.

– Опасность уже здесь, – тихо сказал Вектор. – Она снаружи. А внутри... может быть шанс.

Кор долго смотрел на него, словно взвешивая каждую молекулу его существа. Наконец, он кивнул.

– Таин, устрой его в пустой нише у Седьмой колонны. Дай воды, пайку лишайника. Приставь к нему Грохота. Пусть тот не спускает с него глаз. – Он снова повернулся к Вектору. – Ты получаешь ночь. Один день. Завтра покажешь, что твои «знания» стоят. Если это пустые слова, мы выдадим тебя Безмолвию. Оно не такое привередливое, как мы.

Его «комната» оказалась углублением в скале, отгороженным от общего зала грубой тканой завесой из грибных волокон. Воду ему принесли в каменной чаше – чистой, холодную. Пайка представляла собой плотную, безвкусную лепешку из перемолотого лишайника и каких-то корней. Это была пища выживания.

Сторожем к нему приставили Грохота – молодого, но уже мощного парня с умным, внимательным взглядом и огромными, трудолюбивыми руками. Он не говорил лишних слов, просто сидел у входа в нишу, чиня какую-то снасть, но его присутствие было ощутимым, как стена.

Вектор пил воду мелкими глотками, чувствуя, как жизнь понемногу возвращается в тело. Он вытащил осколок. В свете тусклого светящегося грибка на стене его черная поверхность казалась бездонной, а золотые искры двигались медленнее, ленивее, будто прислушиваясь к ритму подземного мира.

«Что ты такое?» – мысленно спросил он.

И осколок ответил. Не словами. Вектор вдруг *увидел*. Не глазами, а внутренним взором. Пещеру, но не эту. Бесконечный лабиринт тоннелей, залов, разломов, уходящий вглубь

и вширь на невообразимые расстояния. Узлы – не как поселения, а как точки, где силовые линии мира, его «жилы», сплетались в сложные узоры. Он увидел свой собственный Узел – крошечную, трепещущую точку света. И еще одну, гораздо более яркую и стабильную, далеко-далеко, в стороне, куда вела едва заметная нить. Путь. Это была карта. Карта подземелий. И путеводная нить, ведущая к Атрии.

Но была и тьма. Густая, вязкая, ползучая, как чернильная плесень, расплзающаяся по некоторым тоннелям. Безмолвие. И другие, более резкие, рвущие ткань видения тени – Искатели. Они были дальше, но их присутствие отдавалось тянущей болью в висках.

Он понял. Осколок «Вечного Сна» был не просто ключом. Он был интерфейсом, проводником к той самой силе, что текла в жилах мира. И Вектор, произнеся часть Истинного Слова и выжив, стал для этой силы проводником. Малым, неумелым, но проводником.

Он спрятал осколок, переполненный новым знанием. Чтобы заслужить доверие этих людей, ему нужно было показать что-то реальное. Не карты в голове, а практическую пользу.

Утром, под бдительным взором Грохота и сопровождаемый молчаливой Таин, он попросил провести его к источнику воды, которым пользовалось племя. Это был небольшой ручей, вытекавший из расщелины в стене и стекавший в темную пропасть. Вектор подошел к месту, где вода выходила из камня. Он положил руку на влажную скалу, рядом с которой росло несколько особенно ярких светящихся грибов. Закрыв глаза, он попытался не думать, а *почувствовать*. Как он чувствовал осколок. Он искал течение, вибрацию, скрытый ритм.

И он нашел. Не только здесь. Он почувствовал, как далеко под полом зала течет мощный, холодный поток. Настоящая подземная река. И почувствовал место, где камень над ним был тоньше, треснут. Место, где можно было пробурить колодец. Или, что проще, перенаправить часть влаги по естественным микротрещинам.

– Здесь, – сказал он, открыв глаза и указывая на участок пола в трех метрах от основного ручья. – Если аккуратно расколоть камень вот по этой линии... влага поднимется ближе к поверхности. Вы получите второй источник. Независимый.

Таин смотрела на него с немим недоверием. Грохот хмурился. Но пришел Кор, принесли инструменты – тяжелые каменные зубила и молоты. Работа заняла несколько часов. И когда последний камень с глухим стуком отвалился, из раскрытой трещины с тихим журчанием действительно пробилась струйка чистой, ледяной воды, быстро наполняя небольшое углубление.

В лагере воцарилась ошеломленная тишина, а затем раздался сдержанный, но явный ропот одобрения. В мире, где вода была жизнью, такой дар перевешивал множество подозрений.

Кор смотрел на новый родник, а потом на Вектора. В его глазах теперь было не только подозрение, но и жадный, расчетливый интерес.

– Твои знания не пусты, архивариус, – произнес он. – Ты доказал свою пользу. Ты останешься. Но знай: мы – племя, связанное клятвой. Мы прячемся, но мы не бежим. Мы боремся.

И у нас есть своя цель, о которой знают лишь избранные. Возможно, твои странные умения пригодятся и для нее.

– Какая цель? – спросил Вектор, чувствуя, как по спине пробегает холодок.

Кор подошел ближе, понизив голос до шепота, который был слышен лишь ему и Таин.

– Мы нашли одну из Древних Мастерских. Там, где те, кто строил эти залы, работали с силами мироздания. Мы верим, что там есть оружие. Оружие, способное ранить самих Искателей. Но Мастерская запечатана. Запечатана словом, высеченным в камне. Никто из нас не может его прочесть. – Он пристально посмотрел на Вектора. – Ты сказал, что читаешь символы. Так прочти. Помоги нам открыть её. И тогда... тогда ты станешь не гостем, а братом по оружию.

Вектор почувствовал, как осколок у его груди излучает тревожное, предостерегающее тепло. Древняя Мастерская. Слово-печать. Это пахло не просто артефактами. Это пахло тем же уровнем силы, что и Истинные Слова. Силы, с которой нельзя обращаться легкомысленно.

Но он был в ловушке. Отказаться значило снова стать подозрительным чужаком. Согласиться – значит ступить на путь, с которого, возможно, не будет возврата.

Он посмотрел на лица Кора, Таин, на суровые, полные надежды лица окружающих их людей. Они были изгоями, боровшимися с тьмой самыми примитивными средствами. И им нужен был ключ.

– Покажите мне эту печать, – тихо сказал Вектор. – Я попробую.

Глава заканчивалась не бегством, но вступлением в опасный союз. Он нашел временное пристанище, но цена за него могла оказаться куда выше, чем чаша воды. И где-то в глубинах, в Мастерской, запечатанной Словом, его ждала не просто задача, а испытание, способное изменить всё. Или разорвать на части.

Глава 3. Печать и Отзвук

Путь к Древней Мастерской лежал не вниз, в сырые малолюдные глубины, а вверх, по лабиринту узких, искусственно выровненных ходов, которые народ Узлов называл «Лестницей в Никуда». Воздух здесь был другим – сухим, неподвижным, словно запертым на тысячелетия. Он пахнул остывшим камнем, металлической пылью и чем-то неуловимо горьким, напоминающим запах перегоревшей молнии. Светящихся грибов почти не было; их заменяли редкие, вмурованные в стены кристаллы, тускло мерцавшие холодным, рассеянным светом, подобно плененным звездам.

Вектора сопровождали Кор, Таин и Грохот. Молчаливый страж теперь смотрел на него не только с подозрением, но и с растущим любопытством. Именно Грохот нес факел – грубую головню, пропитанную жиром, чье трепещущее пламя отбрасывало гигантские, пляшущие тени на стены, покрытые все теми же гипнотическими, нечеловеческими узорами. Рисунки здесь были сложнее, чем в нижних залах: спирали, пересекающиеся под невозможными углами, фигуры, одновременно похожие на чертежи механизмов и анатомические схемы неизвестных существ.

– Эти ходы... они не для людей, – тихо произнес Вектор, с трудом пробираясь за широкой спиной Кора. Потолок был низок для его спутников, но для предполагаемых создателей этого места он, должно быть, казался просторным.

– Для кого же еще? – бросила через плечо Таин, ловко обходя выступ.

– Не знаю. Но пропорции неверны. Слишком широкие шаги для ступеней, слишком высоко расположенные выключатели, будь они здесь... – он провел рукой по гладкому углублению на стене.

– Говорят, Мир-Камня строили Видящие Скалу, – глухо проговорил Кор, не оборачиваясь. – Не люди и не духи. Существа, что слышали песню земли и умели лепить камень, как глину. Они ушли или вымерли, когда пришли Исказители. Их творения остались. И их знания.

«Их знания», – мысленно повторил Вектор, чувствуя, как осколок у его груди отзывается на это место смутной, тревожной вибрацией, словно натянутая струна.

Наконец, Лестница в Никуда уперлась в тупик. Но это был не просто каменный завал. Перед ними возвышалась дверь. Вернее, то, что когда-то было дверью. Цельный, отполированный до зеркального блеска черный камень, вмурованный в арку. Ни ручек, ни замочных скважин. По центру двери, на уровне человеческого роста, был высечен единственный символ. Он не походил на абстрактные узоры в коридорах. Это был четкий, ясный знак, составленный из семи линий, пересекающихся в строгой, но непостижимой геометрии. Он казался одновременно и письменным знаком, и схемой, и застывшим энергетическим импульсом.

Перед дверью на полу лежали кости. Не древние, рассыпающиеся в пыль, а относительно свежие, почерневшие от времени, но сохранившие форму. Несколько скелетов. На одном еще висели клочья одежды, похожей на ту, что носил народ Узлов. У самого основания двери валялся череп, обращенный пустыми глазницами к печати.

– Наши предшественники, – мрачно пояснил Кор. – Первые, кто нашел это место три поколения назад. Они пытались открыть дверь силой, подкопом, огнем. Ничего не вышло. А потом... они просто умерли. Все в одну ночь. Без ран, без болезней. Сердце остановилось. С тех пор мы знаем: ключ – не в силе, а в понимании. Печать нужно прочесть. Попробуй.

Вектор почувствовал, как по спине пробегает холодный пот. Он медленно подошел к двери, отстраняясь от немого укора черепа. Он заставил себя смотреть не на него, а на знак. Вглядываться. И по мере того как он концентрировался, привычный мир начал отступать. Звуки дыхания спутников, треск факела – всё это растворилось в белом шуме. Остался только символ. Линии начали пульсировать в его восприятии, смещаться, будто живя своей собственной, замедленной жизнью.

Он вспомнил учебники Равноденственной Библиотеки. «Семилинейные печати Ксилона» – раздел о нелингвистических системах записи концепций, используемых древними расами. Это не был язык. Это была формула. Заключение в камне мысль. Идея. Чтобы ее прочесть, нужно было не знать алфавит, а понять суть.

Он закрыл глаза, пытаясь отрешиться от страха, от давления ожидания. Он призвал на помощь не память архивариуса, а новое, смутное чувство – то самое, что позволило ему найти воду. Чувство потока, узора, скрытого порядка вещей. Он протянул руку, не касаясь камня, вода пальцами в воздухе, повторяя контуры символа. И в этот момент осколок «Вечного Сна» под его одеждой вспыхнул.

Не светом, а волной ясности, хлынувшей прямо в сознание.

Он УВИДЕЛ.

Не просто линии. Он увидел идею, за ними скрытую. Это был не замок. Это было предупреждение. И вопрос. Испытание. Знак изображал принцип равновесия, тончайшего баланса между созиданием и распадом. Он говорил: «Только тот, кто понимает хрупкость бытия и держит в уме обе его стороны, может войти, не нарушив покоя».

Вектор открыл глаза. Его рука сама потянулась к печати. Он не произносил слов. Он просто сосредоточил все свое внимание, всю свою вновь обретенную, испуганную пониманием суть на центральной точке пересечения линий. Он представил, как вливает в эту точку не силу, а осознание. Осознание того, что он видел – гибель Библиотеки, пустоту пустыни, страх погони. И одновременно – журчание родника, твердость камня в руке, слабый огонек надежды в глазах людей Узлов. Хрупкость и стойкость. Распад и жизнь.

Под его пальцами, все еще висящими в сантиметре от поверхности, камень... вздохнул. Тихий, едва уловимый звук, похожий на выход воздуха из древнего склепа. Семь линий символа вспыхнули один за другим тусклым синим светом, таким же холодным, как свет кристаллов в стенах. Свет пробежал по линиям, слился в центре и погас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.